

«Дядька» цесаревича Алексея

И. В. Зимин

Болезнь цесаревича Алексея наложила тяжелый отпечаток на жизнь последней императорской семьи. Гемофилия, которой был болен наследник, заставляла его царственных родителей делать все, для того чтобы спасти ребенка от смерти. В результате их забот вокруг цесаревича сформировался круг лиц, непосредственно отвечавших за состояние его здоровья. К их числу принадлежали и лучшие медики империи, и знахарь Распутин, и множество других людей, которые повседневно окружали наследника. Одной из таких фигур был «дядька» наследника — матрос Андрей Еремеевич Деревенко. На множестве фотографий цесаревича на заднем плане виден коренастый силуэт матроса-дядьки.

Появление Деревенко среди ближайшего окружения царевича было необходимостью и вместе с тем случайностью. Объективная необходимость заключалась в том, что ребенок был подвижен, и уследить за ним окружавшим его женщинам было трудно, а малейшая травма могла привести к самым трагическим последствиям. Объяснить же непоседливому ребенку, почему надо соблюдать крайнюю осторожность в повседневных играх, было трудно. Поэтому требовался физически крепкий человек, который заботился бы о безопасности цесаревича, выполняя функцию его «ног». Судьба указала на матроса Деревенко, и он не упустил своего шанса.

На время плавания на яхте к малолетним царским детям персонально приставлялись матросы, которые присматривали за ними, когда те находились на палубе. В мае 1906 года Деревенко был официально внесен в списки придворной челяди. В перечне лиц, значившихся в окружении «августейших детей», наряду с няньками Вишняковой, Дорониной, Тегелевой и другими был и матрос Деревенко¹. Он должен был опекать наследника во время нахождения царской

Цесаревич Алексей и боцман А. Е. Деревенко. Фридеберг, Германия. 1910 г.

семьи на яхте. Впервые он исполнял свои обязанности в августе 1906 года во время плавания «Штандарта» по финским шхерам.

Видимо, он показал себя надежным человеком. Им были довольны и поэтому, для того чтобы придать ему некий официальный статус, в недрах дворцовой канцелярии попытались найти прецеденты, которые могли бы объяснить появление при цесаревиче бравого матроса. В октябре 1906 года делопроизводитель канцелярии императрицы Александры Федоровны А. Никитин подготовил справку о том, что «бывший делопроизводитель Конторы августейших детей почивающего императора Александра III, ныне действительный статский советник Сигель сообщил, что при августейших сыновьях почивающего императора Александра III «дядек» никогда не состояло... До 1888 г. состоял при них матрос Гвардейского экипажа Букин около 5 лет... по выходе в отставку из военной службы определен был лакеем к их императорским высочествам с жалованьем 30 руб. в месяц»². Но, видимо, к

этому времени термин «дядька» уже прижился, и начальник канцелярии императрицы граф Я. Н. Ростовцов в записке от 12 ноября 1906 года к камер-фрау императрицы М. Ф. Герингер сообщил, что «ея величеству императрице Александре Федоровне угодно, чтобы состоящему с 13-го мая 1906 г. при комнатах его императорского высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича квартирмейстера Гвардейского экипажа Андрея Деревенко называли «дядькою» при его императорском высочестве»³. Таким образом, процедура «оформления» матроса при дворе заняла период с мая по ноябрь 1906 года, а наименование «дядька» приобрело официальный характер.

Окончательно свое положение при дворе Деревенко укрепил в сентябре 1907 года. Во время традиционной прогулки по финским шхерам императорская яхта «Штандарт» 11 сентября 1907 года наскочила на подводную скалу, не указанную в лоциях. Товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, очень точный в деталях, поскольку в его распоряжении находились материалы следствия, связанного с этим эпизодом, описывал это событие так: «...яхта государя «Штандарт», огибая остров Гроншер, наскочила на подводный камень, не обозначенный на карте, и плотно села посередине. Удар был настолько силен, что котлы сдвинулись с мест. Государь с Государыней и августейшими детьми перешли на посыльное судно «Азия», на котором и провели ночь. На другой день прибыла яхта «Александрия», на которой их Величества и продолжили плавание»⁴. Удар действительно был силен настолько, что яхту удалось снять с камня только спустя 10 дней. Ее немедленно отбуксировали в док для капитального ремонта.

Во время этого происшествия Деревенко проявил себя с лучшей стороны. На глазах императрицы он сделал все, чтобы обезопасить двух-

летнего наследника. Впоследствии А. А. Вырубова тоже описывала катастрофу в финских шхерах: «Мы почувствовали ужасный толчок. Казалось, что судно подскочило в воздух и упало опять на воду. Потом оно остановилось, и левый борт его стал крениться. Все произошло мгновенно. Посуда и вазы с цветами оказались на полу. Государыня в ужасе вскрикнула, испуганные дети дрожали и плакали; государь же хранил спокойствие. Он объяснил, что мы натолкнулись на риф. Послышались звуки набата, и вся команда из двухсот человек выбежала на палубу. Матрос огромного роста, Деревенько, занялся наследником. Он был нанят, чтобы оберегать наследника от возможных ушибов. Деревенько схватил мальчика и побежал с ним на нос яхты. Он сообщил, что котлы находятся как раз под столовой и первой может пострадать эта часть судна. Мы же стояли все на палубе»⁵.

Позже этот эпизод оброс множеством вымыслов. В качестве характерного примера мифологизации события можно привести изложение офицером Ставки М. Лемке в 1917 году произошедшего в 1907 году. Он утверждал, что именно Деревенько спас цесаревича во время крушения «Штандарта»: «Когда раздался треск судна, и все подумали, что сели на мину, матрос яхты Деревенько схватил мальчика и бросился с ним в воду»⁶. Как это бывает в легендах, скала превратилась в мину, а brave матрос прыгнул с двухлетним мальчиком за борт. В. С. Пикуль в романе «Нечистая сила» воспроизвел эту легенду: «В этот момент некто вырывает из ее рук сына и заодно с ним скрывается... в пучине! Не скоро на поверхности моря, уже далеко от шлюпки, показалась усатая морда матроса, который, держа мальчика над водой, поплыл обратно к «Штандарту», пробоину на котором уже заделали»⁷.

Со временем положение «дядки» упрочилось. Он получал приличное жалованье. Например, в январе 1914 года оно складывалось из денег его императорского высочества — 360 руб., жалованья Гвардейского экипажа — 444 руб., дополнительных выданных Гвардейского экипажа — 579 руб., что составило 1383 руб. в год⁸. Кроме того, су-

Цесаревич Алексей и вел. кн. Анастасия в лодке с боцманом А. Е. Деревенько. Царское Село

ществовали различные косвенные выплаты. Так, сына Деревенько в марте 1912 года бесплатно прооперировали в больнице Крестовоздвиженской общины «за что туда было переведено 18 руб. канцеля-

Вел. кн. Алексей, вел. кн. Мария и вел. кн. Анастасия в группе с нянями М. И. Вишняковой и А. А. Теглевой и боцманом А. Е. Деревенько. Массандра. 1911 г.

рией императрицы Александры Федоровны⁹. Императрица входила и в другие семейные заботы «дядьки». В ноябре 1910 года «Ея Величество, осведомилась о том, что у него на родине больна сестра, и повелеть изволила ему уволиться в отпуск для посещения сестры». Для проезда ему и его жене были выделены деньги на дорогу. В декабре 1915 года матрос обратился к императрице с ходатайством о назначении ежегодного пособия на воспитание его детей (Алексея — 9 лет, Сергея — 7,5 лет, Александра — 3 лет), которые были крестниками императрицы и цесаревича. «Дядька» обучал своих детей французскому языку и приходившей учительнице платил по 20 руб. в месяц. Всего же на обучение детей Деревенько тратил «около 350 руб. в год». Просимые деньги были ему немедленно выделены¹⁰. Но иногда Андрея Еремеевича «били» по карману. В апреле 1912 года в канцелярию императрицы было направлено письмо, подписанное генерал-лейтенантом, заведующим хозяйством гофмаршальской части, в котором предлагалось матросу Деревенько вернуть 32 коп. за невозвращенные в Ливадийскую сервизную кладовую осенью 1911 года ложку столовую простую,

ценою в 12 коп. и две столовых простых вилки по 10 коп. за штуку...

По мере того как цесаревич взрослел, круг забот «дядьки» расширился, и в декабре 1913 года произошли некоторые «кадровые перемещения». Об этом пишет лейб-медик Николая II Е. С. Боткин в письме к графу Ростовцову: «...о назначении только что принятого на службу к Высочайшему Двору матроса Нагорного — помощником боцмана Деревенки. Из сказанного мне Ея Величеством я понял, что фактически боцман Деревенко будет по-прежнему называться “дядькой” Его Высочества Наследника Цесаревича. Но юридически он должен занимать место камердинера, а его помощник, Нагорный, гардеробщика»¹¹.

А. Е. Деревенко был заметной фигурой в окружении императорской семьи, и о нем упоминали почти все мемуаристы, и упоминали по-разному. Вот одно из таких упоминаний: «...матрос разухабистого вида, с нахальной рожей... он — персона; с ним все очень внимательны, заискивают, угощают папиросами»¹². С ним старались ладить, и он ладил с весьма высокими персонами. Тот же автор пишет, что «по-видимому, лейб-хирург проф. С. П. Федоров пользуется особым расположением Деревенка. Тот сегодня очень долго суетился: “где профессор?” — кричал он, когда усаживал в автомобиль дворцовую челядь при выходе ее из штабного кинематографа»¹³. Столь же иронично упоминает о «дядьке» В. В. Шульгин в книге «Дни»: «Матрос Деревенко, который был дядькой у наследника цесаревича и который услышал, что волынские крестьяне представляются, захотел повидать своих... И вот он тоже — “вышел”... Красивый, совсем как первый любовник из малорусской труппы (воронова крыла волосы, а лицо белое, как будто он употреблял смету Simon), он, скользя по паркету, вышел, протянув руки — “милостиво”: Здравствуйте, земляки! Ну, как же вы там?.. Очень было смешно...»¹⁴. В. С. Пикуль в целом верно охарактеризовал матроса. По его словам: «Попав на дармовые харчи, Деревенко, сын украинца-хutorянина, сразу показал, на что способен. В одну неделю отожрался так, что форменка трещала, и появились у матроса

даже груди, словно у бабы-кормилицы. За сытую кормежку он дал себя оседлате под «лошадку» цесаревича. Деревенко сажал мальчика к себе на шею и часами носился как угорелый по аллеям царских парков, выжимая свою тельняшку потом будто после стирки. Но зато цесаревичу теперь не грозили царапины и ушибы!»¹⁵.

Будучи «дядькой» цесаревича, он, видимо, понимал значимость своего положения и, несмотря на свою малограмотность, пытался вести дневник. Дневниковые записи охватывают очень короткий период — с 1 сентября по 28 октября 1912 года. Тогда он явно ощутил свою близость к истории. В это время в Спале умирал цесаревич, и Деревенко на своем уровне фиксировал происходившие события. Так, 6 сентября 1912 года он записал: «Утром сидели дома, ножка

болела. Компресс был, играли в карты»¹⁶.

В глазах царской семьи он был незаменимой фигурой, прежде всего потому, что умел ладить с наследником. Как свидетельствует Вырубова, «на... велосипеде матрос возил Алексея по парку в Царском Селе. Часто приходили играть с Наследником и дети Деревенко, и вся одежда Алексея обычно переходила к ним. Когда Наследник бывал болен и плакал по ночам, Деревенко сидел у его кровати. У бедного ребенка никогда не было аппетита, но Деревенко умел уговорить его. Когда Наследнику исполнилось шесть или семь лет, его воспитание поручили учителю, а Деревенко остался при нем как слуга»¹⁷. Кроме этого, что было очень важно для родителей наследника, он его «не так баловал, хотя был очень предан и обладал большим терпением»¹⁸.

Царевич и великий князь Алексей Николаевич

В послужном списке «дядьки» наследника отражены важнейшие этапы его биографии. Андрей Еремеевич Деревенько родился 19 августа 1878 года в селе Горонай Волынской губернии Новоград-Волынского уезда Черторибской волости в крестьянской семье православного вероисповедания. В 1899 году был призван на действительную службу на флот, отсчет которой начался с 1 января 1900 года. Уже 5 января 1900 года он был определен в Гвардейский экипаж. Через полтора года, в сентябре 1901 года, он стал гимнастом-инструктором. 1 января 1902 года — матросом 1-й статьи. 12 октября 1905 года, к концу службы, Деревенько был награжден серебряными часами с государственным гербом и в ноябре 1905 года произведен в квартирмейстеры. В декабре 1905 года Деревенько был зачислен на сверхсрочную службу. 13 мая 1906 года состоялось назначение «дядькою» «при Его Императорском Высочестве Наследнике Цесаревиче и Великом Князе Алексее Николаевиче». В апреле 1911 года его производят в боцманы, и в 1914 году он получил звание личного почетного гражданина. В мае 1916 года Деревенько стал кондуктором флота. Крестными троих сыновей матроса были члены императорской фамилии. Его регулярно награждали орденами и медалями. В 1909 году он был награжден серебряной Великобританской и Французской золотыми медалями, в 1910 году — серебряной медалью и Гессенским серебряным крестом ордена Филиппа Великодушного, в 1912 году он

получил золотую медаль для ношения на Владимирской ленте¹⁹.

После Февраля 1917 года царская семья сделала много неприятных открытий, связанных с изменениями в их ближайшем окружении. Некоторые нарекания вызвало и поведение матроса. А. Вырубова в мемуарах упрекала его в том, что дядька «понукал» Алексея Николаевича. Тем не менее 1 июля 1917 года «с соизволения бывшего Императора» Деревенько был назначен камердинером «при бывшем Наследнике Алексее Николаевиче». Однако в августе 1917 года он не был включен в список лиц, сопровождавших царскую семью в Тобольск. Это было связано со скандальной историей. По словам комиссара Временного правительства В. С. Панкратова, «при наследнике Алексее состоял дядька, матрос Деревенько, полуграмотный, но хитрый хохол, который пользовался большим доверием Александры Федоровны. Перед самым отъездом он подал счет (полковнику Кобылинскому) расходов. В счете оказалось, что сын Николая II за июль 1917 года износил сапог более чем на 700 руб. Полковник Кобылинский возмущился и заявил матросу Деревенько, что в Тобольск его не пустят»²⁰. Эта «история» спасла жизнь «хитрого хохла». Вместо него в Тобольск отправляется матрос Гвардейского экипажа К. Г. Нагорный²¹.

После того как царская семья уехала в Тобольск, Деревенько с семьей также уехал подальше от беспокойного Петрограда в отпуск в Олонецкую губернию. При этом Деревенько продолжал поддержи-

вать регулярную связь как с чинами бывшей канцелярии императрицы Александры Федоровны, так и с Тобольском. Сохранилось несколько его писем, направленных в Петроград к камер-фрау императрицы Герингер и делопроизводителю канцелярии императрицы Никитину. Они охватывают период с сентября 1917 года по март 1918 года. В основном они посвящены просьбам о высылке денег и опиям различным материальным трудностям, но есть там упоминания и о Тобольске. Например, в письме к Герингер от 21 сентября 1917 года Деревенько писал: «Получил письмо из Тобольска, все здоровы, некоторые хотели ехать, но им сказали, что нет свободного помещения. Не знаю, когда я попаду в Тобольск?». В письме от 14 ноября 1917 года он писал: «...получил письмо от Нагорного 10 ноября. Все здоровы. Он пишет, что до весны не будет никакой смены никому... Мне сейчас тяжело жить. Жаль, что я не уехал в Сибирь!» В письмах к Никитину, написанных в январе, феврале и марте 1918 года, он сообщает, что «письма из Тобольска получаю все, слава Богу, благополучно, не знаю когда я туда попаду? Жду приказаний»²².

Дальнейшая судьба А. Е. Деревенько теряется в смуте Гражданской войны, но на глухой станции Олонецкой губернии у него было больше шансов сохранить свою жизнь, и ему не пришлось разделить трагическую судьбу царской семьи. По некоторым данным, А. Е. Деревенько умер от тифа в Петрограде в 1921 году.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 45 (1906). Д. 38. Л. 15.

² Там же. Ф. 525. Оп. 1. (209/2707). Д. 213. Л. 8.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 236.

⁵ Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 186–187.

⁶ Лемке М. 250 дней в Царской ставке. Пг., 1920. С. 96.

⁷ Пикуль В. С. Нечистая сила. Л., 1990. С. 257.

⁸ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209/2707). Д. 213. Л. 46.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 55.

¹¹ Там же. Л. 38.

¹² Лемке М. Указ. соч. С. 96.

¹³ Там же. С. 273.

¹⁴ Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 468.

¹⁵ Пикуль В. С. Указ. соч. С. 257.

¹⁶ Цесаревич: Документы. Воспоминания. Фотографии. М., 1998. С. 46.

¹⁷ Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 226.

¹⁸ Танеева А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 39.

¹⁹ РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209/2707). Д. 213. Л. 1–1 об.

²⁰ Панкратов В. С. С царем в Тобольске // Былое. Л., 1924. № 25–26. С. 128.

²¹ Расстрелян в 1918 г. Канонизирован в 1981 г. Зарубежной русской православной церковью.

²² РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209/2707). Д. 213. Л. 82, 86, 89.